

ШИПЫ И РОЗЫ

РАССКАЗ ИЗ ЖИЗНИ

Эта история случилась в метро

СВЕТЛАНА СТЭЙНХАРТ

16+

Светлана Стэйнхарт

Шипы и розы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66459920

SelfPub; 2021

Аннотация

Розы – это все хорошее в нашей жизни. Женщины, успех, солнце над головой, мама... Шипы – это боль, потери, измены, расставания... Но шипов не бывает без роз. А значит, главное, что должен помнить человек – это то, что он сам хозяин своей жизни. И только он решает, на что направить свой потенциал. На разрушение или на созидание. Лелеять свой розарий или помнить только о том, как однажды поранился об острый шип. Сделать свой выбор главному герою помогут попутчики и помощники, которые всегда существуют вокруг нас.

Светлана Стэйнхарт

Шипы и розы

– Извините, вы не подскажете, как выйти к парку Горького?

Тихий женский голос набатом раздался у меня в ухе и вырвал из привычного течения мыслей. Я оглянулся. Сзади висела на поручне беременная женщина с бледным худым лицом. «Проводить что ли её? Вдруг сама не дойдёт, свалится в обморок...»

Хотя мне нужно было в другую сторону, неизвестно откуда нахлынувшая забота о чужом человеке заставила произнести:

– Да, я выхожу в сторону парка. Провожу.

Через несколько секунд поезд остановился, открылись двери и на платформу хлынули потоки людей. Я схватил под локоть бледную девушку, и мы довольно быстро пошли на выход. В Москве по-другому нельзя – сметут.

Вдруг моя попутчица сжала зубы и схватилась за живот. Раздался стон. «Этого ещё не хватало! Не удумала ли она рожать прямо здесь?» – пронеслось в моей голове. Я начал лихорадочно вспоминать, что делать в таких случаях, как оказать помощь. Но почему-то кроме банального «Вызовите скорую!» ничего не приходило на ум.

– Девушка, вам плохо? Вызвать скорую?

Она уже меня не слышала. Глаза закатились, и попутчица стала медленно оседать на пол. Я держал её за руку и кричал: «Вызовите врача! Девушка умирает!»

Почему я решил сгустить краски, я и сам не знал. Понимал только одно: если в ближайшее время здесь не появится доктор, роды принимать придётся мне. Ну не бросать же её посередине платформы одну, на попечение посторонних людей?

Людской муравейник окружил нас, все что-то кричали, советовали наперебой, лезли со своими лекарствами, а мы с ней стояли в его центре, и я – так же, как и она – был словно выключен из сознания. Я просто замер, просто держал её за руку и просто тупо смотрел на людей, не в силах что-либо предпринять.

В этот момент схватки усилились. Она пришла в себя и стала громко кричать, корчась от боли на полу. Я опустился на колени и подложил ей под голову свой плащ.

– Отойдите, не мешайте, – раздался сильный, властный голос.

Толпа расступилась, и к нам шагнул мужчина средних лет, в костюме, с седой шевелюрой, уложенной по последней моде. За ним следовала рыжеволосая женщина, которую все также пропустили в круг.

– Вы доктор? – зачем-то спросил я.

– Нет, я плотник, – огрызнулся он и взял роженицу за руку. Второй рукой он начал гладить ей живот, направляя дви-

жения к паху. Она продолжала извиваться на полу.

– Скоро родит, – негромко сказал седовласый своей спутнице. – Веди подмогу, надо уносить её отсюда.

Та побежала за метрополитеновцами.

Вдруг я заметил, что женщина на полу лежит в мокром. «Видимо, отошли воды» – отстранённо подумал я, наблюдая за тем, как доктор продолжает гладить её живот.

Я не знаю, сколько прошло времени. Я видел лишь, как менялись лица вокруг. Как принесли носилки и на них аккуратно погрузили роженицу. Как понесли её в отдельное помещение, расположенное где-то в техническом блоке под платформой. Как начал расходиться народ, который ещё несколько мгновений назад, забыв про свои дела, увлечённо наблюдал за происходящим.

Доктор со своей спутницей отправились вслед за носилками. За ними поплёлся и я.

Оказавшись под платформой, я сильнее ощутил этот особенный запах метро – запах креозота, которым обрабатывают деревянные шпалы. Какое-то время мы шли по длинному коридору, выкрашенному голубой краской и освещённому люминесцентными лампами. Остановились перед дверью без каких-либо опознавательных знаков. За ней оказалась обычная подсобка, в которую пустили и меня, в суете не поинтересовавшись, кем я прихожусь роженице.

Диван, на которую положили девушку, быстро освободили от валявшихся там чьих-то вещей. Доктор скомандовал

принести побольше теплой воды, полотенец и выйти всем посторонним.

Пока я решал, что мне делать – остаться или уйти, процесс вышел на кульминацию. Роженица задышала часто-часто, и доктор приказал ей тужиться. Подсобка огласилась звериными рыками, в которых я услышал необыкновенную мощь и силу природы. Такое было ощущение, что в маленькую бледную женщину сама жизнь вдохнула всё необходимое для прохождения этого сложнейшего этапа.

Она рычала не переставая, а изнутри, как оповестила рожавшая подруга врача, следившая за результатом потуг, начала показываться головка младенца.

– Вот, вот, ещё немного, ещё немного, – еле слышно бормотал доктор, который придерживал одной рукой роженицу за бедро, а другой поглаживал ей живот.

Я почувствовал себя лишним и вышел за дверь. Поднялся по лестнице на платформу. Сел на скамью. Меня начала бить частая дрожь – в кровь выплеснулась большая доза адреналина. В ушах гулко застучало сердце.

«Кто я такой? – поползли мрачные мысли. – Инженерешка. Копаюсь в своих машинах, и ни до кого мне нет дела. Я – никто, букашка, прах земной. Я ничего в этой жизни не совершил и не совершу. Разве что помог этой молодой леди выполнить свою задачу на Земле. Но кто поможет мне?»

В глазах потемнело, я решил встать и выйти на поверхность, чтобы вдохнуть воздуха, пока сердце не выскочило из

груди. Покидая подземку, я напрочь забыл о том, что мой плащ, а вместе с ним и документы, остались там.

Я брёл по улице, пиная пожухшие листья, которые осенний ветер заботливо подбрасывал мне под ботинки. Руки по-прежнему дрожали, а сердце стучало. Внутри раскручивался гигантский маховик самобичевания и самоотвержения. Я ругал себя на все лады, вспоминая бездарно прожитую в алкогольном угаре юность, потраченную не на тех женщин молодость и проклятую работу в настоящем... Ругал вообще всю эту чёртову жизнь, впереди которой маячила только пенсия и одинокая старость в квартире, оставшейся от мамы.

«Почему я остался здесь, а не уехал в Лондон, когда Серёжка с Петькой звали меня организовывать вместе айтишный бизнес? Почему я не позвонил Валентине, когда понял, что потерял её из-за глупой сцены? Почему я не смог простить ей измену и моё сердце превратилось в камень? Да такой, что я к женщинам теперь не подхожу на пушечный выстрел...»

Все эти бесконечные «почему» лезли и лезли из тёмных глубин подсознания на свет божий. Я сел на лавку в парке Горького и заплакал. Я плакал как младенец – тотально, яростно, размазывая слёзы по щекам и не обращая никакого внимания на людей, бросавших на меня удивлённые взгляды.

Отрыдав где-то с полчаса, я немного успокоился. Встал, присел пару раз, чтобы проверить, не подкосятся ли ноги, и

побрёл домой – в мамину квартиру на Патриарших прудах.

Мамы давно уже не было в живых, но её фотопортрет над столь любимым ею пианино всё ещё висел в гостиной, напоминая мне о том, какая красивая она была в молодости.

Машинально проходя мимо портрета в свою комнату, я вдруг задержался: глаза портрета стали другими. Или мне показалось? С той потемневшей от времени фотографии на меня смотрели глаза бледной девушки, которую я несколько часов назад оставил в метро.

Я вскочил, обулся и как ужаленный бросился обратно, в надежде, что она всё ещё там. Зачем я хотел её найти – и сам не знал. Но почему-то я чувствовал, что с ней моя бездарная жизнь может измениться, наполниться светом, получить какой-то высший смысл.

В метро девушки не оказалось – подсобка была закрыта. «Конечно, я идиот, что оставил её!» Я хлопнул себя по лбу с досады. Выйдя на платформу, я направился в сторону эскалатора, чтобы пойти домой. И тут я услышал голос:

– Юра, подождите!

Ко мне подошла рыжеволосая подруга доктора. Она протянула мне плащ и документы.

– Вот, держите. Оля попросила меня дождаться Вас, а сама поехала в больницу с ребёнком. У них всё хорошо.

Рыжеволосая улыбнулась. Вслед за ней улыбнулся и я. И вдруг понял, что моя жизнь только начинается.

Через полгода я снова стоял у выхода из вагона, держась за

поручень, и смотрел, как пролетают мимо окошек тёмные зевы переходов, ведущих в никому не ведомые пространства. Из одного такого шесть месяцев назад вышел я, чтобы возродиться к жизни, пройдя адреналиновую ловушку, запущенную диким страхом остаться за бортом жизни. Страхом, который породила во мне маленькая бледная женщина, выполнившая своё предназначение прямо у меня на глазах.

Что же оставалось мне, как не задуматься о том, что я делаю со своей жизнью? Я мысленно прокручивал в голове всё произошедшее за последние полгода.

Я женился, стал заниматься спортом и набрал весу – килограмм 5, не более. Работа осталась всё та же, но времени уделять я стал ей гораздо меньше.

Я женился – и семейная жизнь стала самым главным моим хобби. Как это вышло? Да вот так. Стою я как-то вечером на холодной платформе Выхино, жду поезд, и вдруг меня окликает женский голос. Я оборачиваюсь – смотрю, она! Та самая девушка из метро. Узнала меня со спины. Вот так встреча! Пообщались. Оказалось, что она живёт на Выхино, практически рядом с моей работой. И ещё она не замужем, как выяснилось! Обменялись телефонами.

Дальше я думал, что делать. Надо, наверное, позвать её на свидание, да что-то давненько я никого не приглашал, уже и забыл, как это делается. Но память о пережитом в парке оказалась сильнее страха быть отвергнутым. И я решился на самый смелый шаг в своей жизни – позвать на свидание ту,

что доверилась мне в тяжёлую минуту, чтобы продолжить, так сказать, опекать и заботиться на постоянной основе.

Позвонил, минут пять слушал в трубке её голос, ставший для меня настоящим наркотиком. Поняв, что хочу слушать этот голос вечно, признался ей в любви. Вот так, сразу. Взял и сказал, что думаю. Хотя раньше никогда за мной такого не водилось. Услышал, как она улыбается, а потом произносит, что я очень милый и она готова со мной прогуляться в каком-нибудь красивом месте.

И стал я самым счастливым человеком на свете.

Ну а потом всё просто – конфетно-букетные 3 месяца прошли, я сделал ей предложение. Поженились. Она вместе с малышом переехали ко мне, живём теперь втроём в маминой квартире на Патриарших. Ходим на выходных в парк Горького, смеёмся на той самой лавочке, где я когда-то оплакивал свои неудачи.

Тёмную сторону своей жизни я сам поменял на светлую – просто тогда, после апогея моих страданий на лавочке, решил, что с меня хватит. Ну а события развернулись под мой выбор: сначала из ниоткуда появилась Оля, потом оказалось, что она не замужем и готова строить со мной отношения, потом – переезд... Ну а теперь у меня в планах сменить работу на более высокооплачиваемую и отвезти Оленьку с малышом на море. Потом купим землю, построим дом, родим ещё малышку. Как видите, жизнь прекрасна и полна радужных планов.

Вот такая история.

Верите-нет?